

ИСТОРИЯ

УДК 94(36)

ГРЕХОВНЫЕ АСПЕКТЫ РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПО КАРОЛИНГСКИМ ПОКАЯННЫМ КНИГАМ

© 2020 г.

В.А. Блонин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

blonin@fsn.unn.ru

Поступила в редакцию 12.05.2020

Представлены результаты сравнительного анализа каролингских покаянных книг – пособий для исповедников, созданных во франкском государстве в VIII–IX вв. Целью исследования стало выявление на основе историко-антропологического подхода особенностей репрезентации родства и семейно-родственных связей по материалам покаянных книг. Анализ показал важное место семейно-родственных отношений в этих памятниках в контексте формирования христианской семейной этики, но под специфическим углом зрения – через описание и оценку нарушений христианских норм. Усиление церковного контроля за поведением христиан, утверждение христианской семейной этики в повседневной жизни нашли отражение в покаянных книгах с помощью все более четкой фиксации границ между дозволенным и греховным в семейно-родственных отношениях. Проведенный анализ открывает перспективы для компаративных исследований с привлечением материалов древнерусских источников, включая такой уникальный памятник исповедальной практики XII в., как «Вопрошание Кириково».

Ключевые слова: семейно-родственные связи, раннесредневековые покаянные книги, исповедальная практика.

Изучение истории семьи и родственных отношений на средневековом Западе, в Византии и Древней Руси – одно из наиболее познавательных и перспективных направлений исторической антропологии и современной медиэвистики. К весьма важным аспектам данной проблематики относится то, как отражены в исторических источниках, средневековых текстах отношения родства (их значимость, терминология, исторический контекст и т.д.). Рассмотрение этих вопросов на материалах по отдельным странам, на разных языках, в различные периоды Средневековья предоставляет, несомненно, возможность увидеть общее и особенное: локальную, языковую, этно-историческую специфику и вместе с тем общие тенденции развития системы родственных связей, семейных структур в средневековом социуме. Терминологический анализ отношений родства в историческом контексте использования терминов, обозначающих те или иные родственные связи, открывает возможности для историко-антропологических обобщений по поводу роли, места, значимости родства в представлениях средневекового человека. Не менее важно учитывать специфику исторических источников для такого рода исследований: под каким углом и с какими

целями упоминаются родственные связи в разных по характеру письменных памятниках.

Среди широкого круга раннесредневековых источников, позволяющих обратиться к вопросам репрезентации родства в средневековых текстах, хотелось бы обратить внимание на весьма оригинальные документы исповедальной практики в раннесредневековой христианской церкви – на так называемые «покаянные книги».

Покаянные книги, пенитенциалии (лат. *libri poenitenciales*), занимают в ряду источников, упоминающих родственные связи, особое место и требуют специального рассмотрения. Так назывались весьма распространенные в раннее Средневековье «пособия» для исповедников, в которых фиксировались разного рода грехи и определялась мера церковного наказания за них [1]. Пенитенциалии, или покаянные книги, возникли в V–VI вв. на территории Ирландии и Уэльса, а затем распространились во франкском государстве (с конца VI в.) и в Англии (с VII в.). Соответственно, выделяются три ветви пенитенциалиев: ирландская, франкская и англосаксонская. В центре нашего внимания – франкские покаянные книги, относящиеся к VIII–IX вв. (каролингской эпохе в истории раннесредневекового франкского государства).

Особенностью этих источников было то, что в них нашли отражение не только нормы канонического права, но в определенной мере и отголоски кельтских, германских и римских традиций. Кроме того, будучи в целом проявлением церковной позиции, пенитенциалии в то же время отражали в некоторой степени и реальные отношения, т.к. являлись документами, используемыми представителями духовенства в повседневной практике, а изменения и дополнения в них могли вызываться жизнью¹.

Как отмечал А.Я. Гуревич, пособия для исповедников представляли собой результат столкновения доктрины и реальности, т.к. с их помощью пытались привести реальные отношения в соответствие с христианскими нормами, воздействуя с помощью церковного покаяния и наказаний на широкие массы [3, с. 54]. Однако для пенитенциалиев характерна значительная «трафаретность» (переход одних и тех же положений из одного документа в другой), причем исходными для всех последующих покаянных книг были ирландские, установления которых с дополнениями и изменениями перешли во франкские и англосаксонские пенитенциалии. Соответственно, различные казусы и нарушения в семейно-родственных отношениях подчас переходили из одной покаянной книги в другую, порой в одних и тех же формулировках. Но в таких случаях особенно важно увидеть различия, новые детали, описание различных нюансов, что может быть навеяно и реальной жизненной практикой. Важно принимать в расчет специфику и контекст упоминания родственных отношений в пенитенциалиях: в центре внимания составителей – не сами по себе родственные связи, а их греховные аспекты, различные прегрешения и нарушения христианских норм, совершаемых родственниками. Еще одна особенность, которую следует учитывать при анализе семейно-родственных связей по покаянным книгам, заключается в том, что их авторами были монахи, принявшие на себя обет безбрачия [5, с. 105]. В связи с этим можно предполагать двойственность взглядов у составителей этих церковных судебных книг: с одной стороны, им должно было быть свойственно следование церковным канонам, стремление внедрить их в качестве обязательных норм в сознание и повседневную жизнь прихожан через процедуру исповеди и покаяния, подкрепляемую церковным наказанием; а с другой стороны, они сами были чьими-то родственниками (сыновьями, братьями и т.д.) и могли опираться не только на каноны, но и на свой жизненный опыт и практику общения с прихожанами. Отсюда вытекает и еще одна особенность изучения род-

ственных связей по покаянным книгам: все эти тексты были написаны на языке церкви – латыни, что, естественно, относится и к терминологии родства; однако сами исповедники, вступая в диалог с прихожанами и отталкиваясь от латинского текста исповедальных книг, могли говорить с ними только на понятном для мирян языке, фактически переводя и интерпретируя исходные латинские тексты (не следует забывать также, что они были написаны не на классической, а на так называемой «народной» латыни). Не случайно при составлении и последующей корректировке текстов покаянных книг составители нередко прибегали не к четкой и однозначной терминологии родства, выраженной на латыни, а к описательным и доступным для понимания прихожанами формам, характеризующим различные варианты родственных связей. Таким образом, несмотря на единую основу, стремление охватить все возможные грехи, склонность к штампам и определенную трафаретность формы и содержания, акцент на греховность человеческого поведения, отсутствие ответов на поставленные вопросы и т.д., что, несомненно, требует осторожного подхода к их анализу, пенитенциалии как инструмент церковной политики испытывали осязаемое влияние со стороны реальной жизни и в какой-то мере следовали за ней. По словам А.Я. Гуревича, «все их содержание и сама форма выражают некоторые существенные стороны народного сознания: ведь созданы они были для самых широких слоев населения и посвящены не общей теологии греха и искупления, а сугубо практическому ее применению, и приспособлены были они к обыденному сознанию необразованного и невежественного человека» [6, с. 58–59].

Подобные особенности покаянных книг позволяют с их помощью дать оценку не только нормам канонического права, регулирующим, в частности, вопросы брака и семьи, но и (насколько это возможно) реальным семейно-родственным отношениям во франкском обществе каролингского периода.

В качестве источников для анализа взяты следующие покаянные книги, охватывающие каролингский период (середина VIII в. – середина IX в.)²:

- Парижский пенитенциалий (лат. *Poenitentiale Parisiense*, середина VIII в.);
- Мерзебургский пенитенциалий (лат. *Poenitentiale Merseburgense*, конец VIII в.);
- Пенитенциалий Флери (лат. *Poenitentiale Floriacense*, конец VIII в.);
- Сангалленский пенитенциалий (лат. *Poenitentiale Sangallense*, около 800 г.);
- Пенитенциалий Халитгара (лат. *Poenitentiale Romanum*, около 830 г.);

– Пенитенциалий Хуберта (лат. *Poenitentiale Hubertense*, середина IX в.).

Из них своими размерами и содержанием выделяются Мерзбургский пенитенциалий и пенитенциалий Халитгара (епископа Камбре). Мерзбургский, будучи вариацией Бургундского пенитенциалия (начало VIII в.), значительно расширяет его положения. Особенности пенитенциалия Халитгара (его чаще называли *Poenitenciale Romanum*, или «так называемый Римский пенитенциалий») связаны с тем, что он был составлен по указанию реймского архиепископа для исправления и приведения в соответствие с каноническими нормами покаянных книг, которые имели хождение во франкском государстве [1]. Остальные документы отличаются значительно большей лаконичностью, хотя следует выделить среди них пенитенциалий Хуберта как наиболее позднюю из всех каролингских покаянных книг.

Представленная подборка покаянных книг, охватывающих столетие с середины VIII в. до середины IX в., позволяет не только провести анализ каждого из источников, но и выявить динамику в отношениях составителей пенитенциалиев к различным прегрешениям исповедуемых – в том числе к тем, что отразили те или иные аспекты родственных связей. Подобная динамика может быть выявлена наиболее наглядно и информативно в историческом контексте – через сравнительный анализ в регулировании вопросов брака, семьи, родства со стороны государства и церкви, учитывающий специфику рассматриваемого периода в истории франкского государства и общества. Именно в это время (особенно в начале IX в.) происходит заметное усиление светского и церковного нормотворчества, в том числе и в сфере семейно-родственных отношений, что не могло не отразиться на содержании покаянных книг. Из этого следует необходимость сопоставления конкретных казусов в пенитенциалиях с изменениями в регламентации семейно-родственных отношений в нормативных памятниках (от Салической правды до каролингских капитуляриев, от канонических норм до решений церковных соборов) [5, с. 105].

Прежде всего отметим, что вопросы семьи, брака, межличностных отношений родственников занимали особое и значительное место в пособиях для исповедников [9, р. 421]. Формирование христианского мировоззрения, становление христианской этики через трансляцию этих норм в сознание мирян заставляли ранне-средневековую церковь все активнее использовать различные инструменты воздействия на сознание и поведение христиан. Среди наиболее

эффективных инструментов нужно выделить именно таинство исповеди, способное воздействовать усилиями исповедников как на сознание, так и на самосознание прихожан, формируя способность критической оценки своих мыслей и поступков с позиций христианской этики, что дополнялось церковным контролем через духовное наказание (епитимью) за прегрешения. Утверждая христианскую этику, церковь тем самым формировала и этику семейно-родственных отношений, поскольку повседневная жизнь средневекового человека в значительной мере проходила в рамках семьи, но именно здесь происходило столкновение церковных норм и регламентаций с обычаями и традициями, сложившимися в дохристианскую эпоху. Отсюда вытекает оригинальность покаянных книг как исторических источников: с одной стороны, они крайне схожи с ранне-средневековыми светскими судебниками (сначала описание прегрешения подобно преступлению в судебниках, а затем определение церковного наказания, как и светского наказания в судебниках); с другой стороны, учитывая сверхзадачу воздействия на сознание людей, пенитенциалии предстают более тонким инструментом права и суда в руках церкви, нежели светские судебные памятники, и это наиболее ярко проявляется как раз в регулировании семейно-родственных отношений. Во многом с этим связано то, что в покаянных книгах различные отклонения от норм христианской семейной этики однозначно расцениваются как греховные, но одновременно признается «значительное разнообразие в обстоятельствах, восприятии и поведении индивидов» [9, р. 421], что влияет на характер и размеры церковного наказания. Именно в таком контексте (христианская этика, грех, покаяние и наказание) и предстают в покаянных книгах упоминания родства и родственных связей.

Каковы же эти упоминания о родственных связях в покаянных книгах? Начнем с латинских терминов родства, которые воспроизводятся в пенитенциалиях. Если привести их в словарную форму, то складывается следующая картина:

Pater, mater – отец, мать;

Vir, maritus – мужчина, муж;

Mulier, uxor – женщина, жена;

Infantes, parvulus – дети;

Propinquus – родственники;

Vidua – вдова;

Consobrinus uxor – жена двоюродного брата;

Patruus uxor – жена дяди;

Soror uxores – сестра жены;

Amita – тетка по отцу;

Vitricus – приемный отец;

Noverca – приемная мать;

Nepos – племянник/ца;

Sponsata/virginitatem – невеста/девственница;

Filia et soror ex sacro fonte vel chrismate suscepta – крестные дочери и сестры.

Важным является и вопрос о контексте и частоте упоминаний разных категорий родственников. Начнем с того, что две основные категории родственников, упоминаемые в пенитенциалиях, – это те, кто совершает греховные поступки, и те, кто является их жертвой или соучастником. Так как основные «греховники» – мужчины, а в контексте родственных связей – чаще мужья, то прямые упоминания о них (особенно о мужьях) редки и заменяются выражениями типа «Если кто [совершит]...» (“*Si quis...*”).

Редки в покаянных книгах и упоминания об отцах и матерях: в нескольких пенитенциалиях повторяется казус, когда мужчина оскорбляет или поднимает руку на отца или мать³, а в Сангалленском пенитенциалии упоминается прелюбодеяние со своей матерью⁴.

Упоминание мужей, жен, невест, различных родственников в покаянных книгах в значительной мере связано с нарушениями при заключении браков. Здесь важно отметить исторический контекст, поскольку в VIII–IX вв. церковь все активнее вторгается в регламентацию различных аспектов брачно-семейных отношений. Так, ее объектами становятся полигамия и конкубинат: хотя против них выступали еще соборы IV–V вв., в IX в. церковь вновь и вновь возвращается к этим вопросам на соборах в Риме 826 г., в Майнце 851 г., снова в Риме в 853 г. и др. Борьба велась и против похищения невест: если еще собор 451 г. в Халкиде наказывал за умыкание отлучением от церкви, то в IX в. (в частности, на соборах 844 и 845 гг.) эти решения не только подтверждаются, но оказывается и воздействие на светские власти в целях усиления санкций против умыканий [10, р. 87–88]. Все это отражает начало нового этапа в подходе церкви к семье и браку, относящееся к каролингскому периоду, поскольку ранее (в силу общей негативной оценки брака) церковь не оказывала особого влияния на эту сферу человеческих отношений.

Регулирование браков сопровождалось борьбой против умыканий и брачных союзов между близкими родственниками, причем усилиями как церкви, так и государства. Обращаясь к истории вопроса, можно отметить, что еще в Салической правде предусматривались крупные денежные штрафы за умыкание (при этом различалось похищение девушек, свободных женщин, чужих невест, чужих жен)⁵, также недействительными признавались браки с пле-

мянниками, двоюродной сестрой, женой брата – эти браки следовало расторгнуть, а дети от них считались незаконными и не могли участвовать в наследовании имущества⁶. Все более активно против браков родственников начиная с VI в. выступала церковь, а в VIII–IX вв. этому вопросу были посвящены соборные решения в Риме 721 и 853 гг. [10, р. 82–84]. По декретам Пипина Короткого 757 и 758 гг. запрещались браки до 4-го поколения родства, причем в число родственников включались и лица, находившиеся в духовном родстве (через крещение и конфирмацию), – подобные браки карались конфискацией имущества, а при отсутствии последнего – тюремным заключением до уплаты родственниками штрафа в 60 солидов⁷. Актуальность этого вопроса подтверждается и капитулярием Карла Великого от 802 г., где требование публичности брака связано главным образом со стремлением не допустить инцеста⁸.

Какое же отражение находит в пенитенциалиях борьба против умыканий и инцеста? Франкские покаянные книги, начиная с Бургундского пенитенциалия (первая половина VIII в.), в целом единодушны в осуждении умыканий: за похищение вдов и девушек полагалось наказание тремя годами покаяния на хлебе и воде⁹. Такое постоянство в упоминании данного проступка (причем в близкой формулировке и при одинаковом наказании) могло отражать не только наличие соответствующего трафарета, но и длительное сохранение подобного явления в жизни франкского общества. Значительное место в покаянных книгах занимает и борьба против кровосмесительных браков. Показательно, что в ряде наиболее ранних пенитенциалиев (относящихся к первой половине VIII в.) – Бургундском, Парижском – такой грех не упоминается, а в пенитенциалии *Floriacense* (последняя четверть VIII в.) упоминается лишь прелюбодеяние с кровным родственником, но не брак с ним¹⁰. Только в более поздних покаянных книгах (конца VIII – первой половины IX вв.) упоминаются и подлежат наказанию и кровосмесительные браки. Греховными считались (как и в светском законодательстве) браки между родственниками до четвертой степени родства, а в наиболее позднем из каролингских пенитенциалиев – Хуберта – запрет налагается и на браки с духовными родственниками: крестной дочерью или сестрой¹¹. Отметим также, что общим для этих покаянных книг является требование предварительного (до наложения епитимьи) расторжения греховного сожителства. Однако конкретное содержание соответствующих канонов (определение круга родственников и меры наказания за кровосмеси-

тельные связи) в каждом из пенитенциалиев существенно различается¹². Следовательно, усиление борьбы против браков родственников, нашедшее отражение и в покаянных книгах, относится лишь к концу VIII – первой половине IX в., но единый подход к решению данного вопроса, судя по этим документам, еще долгое время отсутствовал. Как отметил Ю.Л. Бесмертный, сохранение актуальности данной проблемы было обусловлено, скорее, усилением борьбы с давно бытовавшим явлением, при этом браки между некоторыми близкими родственниками не были чем-то абсолютно невозможным [2, с. 65].

Родство через брак находит отражение в покаянных книгах в упоминаемых прегрешениях, связанных с разводами и повторными браками. Чтобы точнее оценить отношение авторов пенитенциалиев к такого рода казусам, следует сопоставить их с нормативным регулированием в памятниках права. Не без воздействия церкви королевская власть формирует свою позицию по данным вопросам, хотя и не до конца последовательную. Если капитулярием Пипина Короткого 744 г. запрещались разводы кроме случаев измены жены¹³, то по декретам 757 и 758 гг. допускались и другие основания для разводов, а также возможность повторных браков¹⁴. Лишь в капитулярии Карла Великого 789 г. (лат. *Admonitio generalis*) христианский принцип нерасторжимости брака получил полное юридическое оформление¹⁵. Но примечательно, что и в IX в. хроники и акты церковных соборов не раз упоминают о разводах как довольно распространенном явлении.

Повторные браки в рассматриваемый период остаются в правовой практике обычным явлением, в первую очередь в случае смерти одного из супругов. Отсюда и упоминание о еще одной категории родства – вдовцах и вдовах. Характерно и то, что условия, необходимые вдове для повторного брака, с течением времени изменялись: если по Салической правде требовалось согласие всех заинтересованных родственников (самой вдовы, ее умершего мужа и жениха), а также уплата родственникам покойного определенной суммы – *reipus* от вдовы и *ahasius* от жениха¹⁶, то в капитулярии 819 г. уже отсутствует требование о согласии родственников первого мужа и не упоминается об *ahasius*¹⁷.

Что же говорится о разводах и повторных браках в покаянных книгах? Характерно, что, как и в вопросе об инцесте, более ранние пенитенциалии не касаются этих сюжетов. В более поздних документах основное внимание уделяется двум аспектам: признанию тяжким грехом отказа от законной жены и строгому наказанию

за это, а также допустимости повторных браков после смерти одного из супругов при условии предварительного покаяния. Отметим, что в разных покаянных книгах эти вопросы решаются по-разному. Так, пенитенциалий *Floriacense* называет взятую после развода с законной женой другую женщину блудницей и требует обязательного расторжения такого союза с последующим покаянием в течение трех лет (из них один год – на хлебе и воде)¹⁸. Мерзебургский пенитенциалий идет дальше: за отказ от жены и новый брак предусматривается уже отлучение от церкви¹⁹. Несколько иные, но более близкие к Мерзебургскому пенитенциалию позиции отразились в покаянных книгах Хуберта и Халитгара²⁰. В случае смерти одного из супругов не исключалась возможность второго, третьего, четвертого и даже пятого браков при некотором различии в размерах предварительного покаяния в каждом из пенитенциалиев²¹.

Таким образом, христианский принцип нерасторжимости брака находит в каролингских покаянных книгах все более явное отражение, однако внимание к вопросам о разводах и повторных браках появляется в пенитенциалиях лишь с начала IX в. Отсутствие же упоминаний о подобных казусах в предшествующий период может свидетельствовать о том, что особого противодействия подобной практике ранее не было²², и только в первой половине IX в. разводы и повторные браки, судя по покаянным книгам, лишь начинают подвергаться церковной регламентации [2, с. 65]. Можно добавить также, что вдовы упоминаются и в прегрешениях, связанных с прелюбодеянием²³.

Дети (лат. *infantes, parvulus*) в покаянных книгах также упоминаются в основном как жертвы греховных поступков. Из числа редких казусов можно назвать упоминания о детях, родившихся от греховной связи с чужой женой²⁴. Но куда чаще встречаются прегрешения, связанные с детоубийством (чаще всего с удушением в постели). Такой грех отмечается практически в каждой из каролингских покаянных книг, но при этом прописываются разные обстоятельства, в которых произошло детоубийство: выделяются неумышленное удушение (за что наказание смягчалось) и совершенное в состоянии опьянения или отягощенное небрежением (наказание за это увеличивалось)²⁵. Характерно, что в пенитенциалиях говорится об удушении некрещенных детей (т.е. либо грудных, либо совсем маленьких)²⁶. В Мерзебургском пенитенциалии предусматривается наказание и за предумышленное убийство ребенка матерью (за что следовало наказание как за любое человекоубийство), однако следу-

ющая статья оговаривает, что если такое убийство совершено в состоянии бедности, то церковное наказание сокращалось вдвое²⁷. Таким образом, судя по покаянным книгам, случаи детоубийства или недостаточной заботы о младенцах, приводящей их к смерти, не представлялись в VIII–IX вв. чем-то исключительным для франкского общества эпохи Каролингов.

Основные выводы:

– семейно-родственные отношения занимают особое и значительное место в каролингских пенитенциалиях, но представлены в них под особым углом зрения – через описание и оценку нарушений христианских норм в этих отношениях;

– в таком контексте родственники и родственные связи упоминаются для обозначения родственного статуса либо того, кто совершает греховный поступок, либо тех, кто стал жертвой этих поступков, либо определяя круг и степень родственных связей, находящихся в зоне инцеста (и для брака, и для сексуальных связей вне брака);

– учитывая миссию таинства исповеди, связанную с усилением социального, церковного контроля за поведением христиан и, одновременно, с формированием самоконтроля и христианской этики в повседневной жизни, покаянные книги отражают укрепляющуюся фиксацию границы дозволенного и греховного в семейно-родственных связях;

– последнее особенно ярко проявляется в ужесточении церковных норм от пенитенциалия к пенитенциалию (от более ранних к более поздним), что проявляется и в появлении новых норм и поступков, подлежащих церковному наказанию, и в увеличении размеров наказания (епитимьи) за одни и те же проступки, и в расширении круга родственников, находящихся в «греховной» зоне.

В заключение скажем несколько слов о перспективах компаративных исследований. Покаянные книги в качестве исторических источников интересны и для проведения сравнительного анализа, учитывая ирландские и англосаксонские пенитенциалии, а также оригинальные материалы по исповедальной практике в древнерусской церкви – и это даже не многочисленные епитимники XI–XVI вв., а, например, уникальный памятник исповедальной практики XII в., чаще именуемый «Вопрошанием Кириковым»²⁸ в сопоставлении с церковным уставом князя Ярослава, и, с другой стороны, например, каролингские покаянные книги в сопоставлении с нормативными памятниками Каролингского периода: Салической правдой, капитуляриями, формулами и другими источниками²⁹.

Примечания

1. О покаянных книгах как исторических источниках см.: [2, с. 61–63; 3; 4].

2. Тексты пенитенциалиев цитируются по изданиям: [7; 8].

3. Пенитенциалий Хуберта (Poen. Hubertense), с. XXXIX: «Si quis inhonoraverit patrem aut matrem, III annos poeniteat. Quodsi manum levaverit aut ferita fecerit, VII annis exsul poenitentiam agat. Quodsi per veniam parentum redierit aut ei indulserint, suscipiatur in communionem ibidem ederit» [7, s. 337].

4. Сангалленский пенитенциалий (Poen. Sangallense), 15: «Si quis cum matre sua fornicaverit VII annos» [7, s. 347].

5. Lex Salica, XV, 1: «Si quis... uxorem alienam tulerit a vivo varito, VIII dinarios... culpabilis indicetur»; XIII, 10: «Si quis sponsam alienam tulerit...» etc. Здесь и далее текст «Салической правды» цит. по изданию: [11].

6. Lex Salica, XIII, 9, add. 2: «Si quis sororis aut fratris aut certe ulterius gradus consorbinae aut certe fratris uxorem aut avunculi sceleratis nuptiis sibi iunxerit, hanc poenam subiaceant ut de tale consortio separentur» [11].

7. См. [12, p. 37]: Capitulare N 15. 757, с. 1: «Si in quarta progenua reperti fuerint coniuncti, non separemus».

8. Для этого предусматривалось предварительное расследование с участием священника в целях выявления возможного родства будущих супругов – см.: Capitulare N 33. 802, с. 35 [12, p. 97].

9. См.: Бургундский пенитенциалий (Poen. Burgundiense), с. 37 [7, s. 322].

10. См.: Пенитенциалий Флери (Poen. Floriacense), с. 9 [7, s. 342].

11. Poen. Hubertense, с. 51 «Si quis filium vel sororem ex sacro fonte vel chrismate in conjugio sociaverit dividantur et agant poenitentiam annis V» [7, s. 338].

12. Так, в Мерзебургском пенитенциалии кровосмесительная связь с вдовой отца или брата, сестрой или племянницей карается 10 годами паломничества (Poen. Merseburgense, с. 43); в пенитенциалии Халитгара предусматривалось расторжение браков с мачехой, вдовой дяди, сестрой жены, после чего кающийся должен был провести 14 недель поста (Poen. Romanum, с. 84) [7, s. 362, 299].

13. Pipini regis capitulare. 744, с. 9: «...quia maritus muliere sua non debet dimittere, except causa fornicationis deprehensa» [12, p. 30].

14. Decretum Vermeriense. 757 (768?), с. 5: «Si qua mulier mortem viri sui cum aliis hominibus consiliavit, et ipse vir ipsius hominem se defendende occiderit et hoc probare potest, ille vir potest ipsam uxorem dimittere et, si voluerit, aliam accipiat» [12, p. 39].

15. Admonitio generalis. 789, с. 43 [12, p. 56].

16. См. Lex Salica, XLIV, 1.

17. См.: Capitulare N 142. 819, с. 8 [12, p. 293].

18. Poen. Floriacense, с. 45: «Si quis dimiserit uxorem et aliam duxerit, et illam, quam ducit postea non est ejus uxor sed meretrix..., separentur et postea jejundet annos III, unum ex his in pane et aqua» [7, s. 344].

19. Poen. Merseburgense, c. 124: «Si quis legitimam uxorem dimiserit et acciperit alienam, illi talis cum Christianis non manducet... excommunicati a christianis» [7, s. 366].

20. Пенитенциалий Халитгара (Poen. Romanum), c. 92, 94 [7, s. 299–300]; Poen. Hubertense, c. 13: «Si quis clericus uxorem propriam reliquerit..., sciat se adulterium perpetrasset, honore suo privetur et diebus vitae suae poeniteat» [7, s. 334].

21. В пенитенциалии Floriacense (с. 46) перед вторым браком предусматривалось 3 недели покаяния, перед 3-м и 4-м – 33 недели [7, s. 344]; в пенитенциалии Халитгара повторный брак не требовал покаяния, за третий следовало 3 недели, за 4-й и за 5-й – 21 неделя поста [7, s. 300]; по пенитенциалию Хуберта – за второй и третий браки требовалось три недели покаяния, за 4-й – 33 недели [7, s. 338].

22. Кроме того, и в более поздних покаянных книгах предусматривались и другие основания для разводов: так, в Мерзебургском пенитенциалии допускался повторный брак в случае похищения жены врагом – с. 94: «Si quis cuius uxorem hostis abstulerit, et non potest eam redimere, liceat eum aliam accipere» [7, s. 365].

23. Парижский пенитенциалий (Poen. Parisiense), c. 29: «Si quis virginem vel viduam raptus fuerit, III ann. Poen. in pane et aqua» [7, s. 329].

24. Poen. Hubertense, c. 50: «Si quis infantem gentilem oppresserit, III annos poeniteat, si vero nolens, II» [7, s. 338].

25. Poen. Hubertense, c. 19: «Si quis cum uxore sua infantem oppresserit, III annis poeniteat. Si vero per ebrietatem aut negligentiam oppresserit, V annis...»; c. 50: «Si quis infantem gentilem oppresserit, III annos poeniteat, si vero nolens, II» [7, s. 335, 338]; Poen. Parisiense, c. 47, Poen. Floriacense, c. 18 [7, s. 330, 342].

26. Poen. Hubertense, c. 50 [7, s. 338]; Poen. Parisiense, c. 47: «Si quis parvulus sine baptismo in negligentia mortuus fuerit, III ann. Poen.» [7, s. 330].

27. Poen. Merseburgense, c. 162, 163: «Si quae matrem filium suum occiderit, XV annos poeniteat», «Mulier pauperina VII annos poeniteat» [7, s. 368].

28. Об этом памятнике см. [13]; текст источника – см. [14].

29. О возможностях такого компаративного анализа см. [5].

Список литературы

1. Pénitentiels // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. T. XIV. P. 1. Paris: Letouzey et Ané, 1934. Col. 215–251.

2. Бессмертный Ю.Л. Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени // Культура и искусство западноевропейского средневековья / Под ред. Е.И. Даниловой. М.: Советский художник, 1981. С. 53–77.

3. Гуревич А.Я. Народная культура раннего средневековья в зеркале «покаянных книг» // Средние века. Вып. 37. М.–Л.: Наука, 1973. С. 28–54.

4. Manselli R. Vie familiale et éthique sexuelle dans les pénitentiels // Famille et parenté dans l'occident médiéval / Éd. par G. Duby, J. Le Goff. Roma: École française de Rome, 1977. P. 363–383.

5. Душин О.Э. Регламентация семейных отношений в средневековых западноевропейских и древнерусских покаянных книгах // Verbum. Альманах Центра изучения средневековой культуры. Вып. 18. Исповедь и покаяние: у истоков формирования самосознания европейского индивида / Под ред. О.Э. Душина, К.А. Шморгаги. Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2016. С. 99–115.

6. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

7. Schmitz H.J. Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren nach handschriftlichen Quellen dargestellt. Düsseldorf: L. Schwann, 1898. XII+742 s.

8. Medieval Handbooks of Penance: A Translation of the Principal “*libri poenitentiales*” and Selections from related Documents / By J.T. McNeill, H.M. Gamer. N.Y.: Columbia University Press, 1938. xiv+476 p.

9. Tanner N., Watson S. Least of the Laity: the Minimum Requirements for a Medieval Christian // Journal of Medieval History. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 395–423.

10. Lepointe G. La famille dans l'ancien droit. 2e éd. Paris: Domat–Montchrestien, 1947. 398 p.

11. Lex Salica // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T. IV. P. 1–2 / Ed. K.A. Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1962–1964.

12. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883. XII+462 s.

13. Гайденок П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 83–92.

14. Вопрошание Кириково архиепископу Нифонту / Пер. А.П. Щеглова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/voprosanii-kirika/ (дата обращения: 20.12.2019).

SINFUL ASPECTS OF KINSHIP ACCORDING TO THE CAROLINGIAN PENITENTIAL BOOKS

V.A. Blonin

The article presents the results of a comparative analysis of Carolingian penitential books, manuals for confessors created in the Frankish state in the 8th and 9th centuries. The purpose of the study was to identify, based on the historical and anthropological approach, the features of the representation of kinship and family relations based on the materials of penitential books. The analysis showed the important place of family relations in these documents in the context of the formation of Christian family ethics, however, from a specific point of view, through the description and evaluation of violations of Christian norms. The strengthening of Church control over the behavior of Christians and the establishment of Christian family ethics in everyday life are reflected in the penitential books by establishing increasingly clear boundaries between what is permissible and what is sinful in kinship relations. This analysis opens up prospects for comparative studies with materials from ancient Russian sources, including a unique text from confessional practice of the 12th century, «The Kirik's Questions» («Voproskanie Kirikivo»).

Keywords: family relations, early medieval penitential books, confessional practice.

References

1. Pénitentiels // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. T. XIV. P. 1. Paris: Letouzey et Ané, 1934. Col. 215–251.
2. Bessmertnyj Yu.L. Ob izuchenii massovyh social'no-kul'turnyh predstavlenij karolingskogo vremeni // Kul'tura i iskusstvo zapadnoevropejskogo srednevekov'ya / Pod red. E.I. Danilovoj. M.: Sovetskij hudozhnik, 1981. S. 53–77.
3. Gurevich A.Ya. Narodnaya kul'tura rannego srednevekov'ya v zerkale «pokayannyh knig» // Srednie veka. Vyp. 37. M.–L.: Nauka, 1973. S. 28–54.
4. Manselli R. Vie familiale et éthique sexuelle dans les pénitentiels // Famille et parenté dans l'occident médiéval / Éd. par G. Duby, J. Le Goff. Roma: École française de Rome, 1977. P. 363–383.
5. Dushin O.E. Reglamentaciya semejnyh odnoshenij v srednevekovyh zapadnoevropejskih i drevnerusskih pokayannyh knigah // Verbum. Al'manah Centra izucheniya srednevekovoj kul'tury. Vyp. 18. Ispoved' i pokayanie: u istokov formirovaniya samosoznaniya evropejskogo individa / Pod red. O.E. Dushina, K.A. Shmoragi. Pskov: Izd-vo Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. S. 99–115.
6. Gurevich A.Ya. Problemy srednevekovoj narodnoj kul'tury. M.: Iskusstvo, 1981. 359 s.
7. Schmitz H.J. Die Bussbücher und das kanonische Bussverfahren nach handschriftlichen Quellen dargestellt. Düsseldorf: L. Schwann, 1898. XII+742 s.
8. Medieval Handbooks of Penance: A Translation of the Principal “*libri poenitentiales*” and Selections from related Documents / By J.T. McNeill, H.M. Ganer. N.Y.: Columbia University Press, 1938. xiv+476 p.
9. Tanner N., Watson S. Least of the Laity: the Minimum Requirements for a Medieval Christian // Journal of Medieval History. 2006. Vol. 32. No. 4. P. 395–423.
10. Lepointe G. La famille dans l'ancien droit. 2e éd. Paris: Domat–Montchrestien, 1947. 398 p.
11. Lex Salica // Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio I. Legum nationum Germanicarum. T. IV. P. 1–2 / Ed. K.A. Eckhardt. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1962–1964.
12. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II. Capitularia regum Francorum. T. I / Ed. A. Boretius. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1883. XII+462 s.
13. Gajdenko P.I., Fomina T.Yu. O cerkovnom stazhuse Kirika Novgorodca i inyh sostavitelej «Voproshaniya» // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 16 (270). Istorija. Vyp. 51. S. 83–92.
14. Voproshanie Kirikovo arhiepiskopu Nifontu / Per. A.P. Shcheglova [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/Kirik_Novgorodskij/voproshanii-kirika/ (data obrashcheniya: 20.12.2019).